

Н.П. Тимофеева

**ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ
КАК КАТАЛИЗАТОР ЛИЧНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ ОФИЦЕРОВ
СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ, 1945–1949 гг.**

Демократизация общества и открытие архивов вызвали после распада СССР расширение круга проблем, удостоившихся внимания российских историков — германистов. В то же время за пределами интереса исследователей остался комплекс вопросов, связанных с ролью опыта войны и послевоенного пребывания (1945–1949 гг.) в Германии в биографическом самоопределении советских военнослужащих после их возвращения на родину. Рассмотрение этих вопросов требует прежде всего обращения к памяти ветеранов Великой Отечественной войны, участвовавших в освободительном заграничном походе Красной армии в 1944–1945 гг.

Долгое время в СССР военная мемуаристика была уделом генералов, то есть профессиональных военных¹. Именно они формировали образы воспоминаний, хотя в опубликованных мемуарах ветеранов войны чаще встречались повествования о боевых сражениях, чем об опыте встречи советских военных с чужими странами. В воспоминаниях советских высших офицеров, служивших в составе Советской военной администрации в Германии (СВАГ), нашла свое отражение прежде всего политика СССР в германском вопросе, подчеркивались ее успешность и результативность.

В постсоветское время был издан ряд документальных сборников² и научных трудов³, посвященных Германии первых послевоенных лет. Увидели свет

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1–2. М., 1990; Боков Ф.Е. Весна Победы. М., 1979; Tjulpanow S. Deutschland nach dem Kriege (1945–1949). Erinnerungen eines Offizieres der Sowjetarmee. Berlin, 1986; Колесниченко И.С. Битва после войны. М.: Воениздат, 1987.

² См., например: Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг.: Сб. документов / Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Норманна Неймарка. Серия «АИРО — первая публикация». Изд. 2-е, доп. и измен. М.: АИРО–XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 352 с.; Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949: Сб. документов / Отв. ред. и сост. Н.П. Тимофеева и Я. Фойтцик. При участии Ю.М. Коршунова, К. Кюнцель, Д.Н. Нохотович, Ю.Г. Орловой, Е. Рош. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 976 с.

³ См., например: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.; Россия и Германия в XX веке: В 3 т. Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый

и воспоминания¹ участников заграничного похода (1944–1945 гг.) Красной армии, в которых нашли свое выражение новые оценки и интерпретации. Показательно, что известный историк и бывший офицер СВАГ В.В. Чубинский-Надеждин начал работать над книгой об оккупации Германии из чувства протеста против многолетней политической обусловленности и схематизма трудов ученых-соотечественников, обращавшихся к проблеме послевоенного времени в истории этой страны.

При всем обилии публикаций последнего десятилетия следует отметить, что большинство тех, кто сегодня еще может рассказать о немцах и Германии 1945–1949 гг., были иначе, чем высшие офицеры, подготовлены как к восприятию и объяснению происходивших событий, так и к последовавшим позже воспоминаниям о них. Чаще всего это выходцы из средних и низших слоев советского населения. В СССР состоялось вытеснение их военного и оккупационного прошлого, игравшего зачастую существенную роль в жизни и судьбе бывших военных после возвращения на Родину и демобилизации.

В 2000–2001 гг. в Воронежском государственном педагогическом университете действовал факультативный семинар «Русские и немцы в 1945–1949 гг.». Результатом его работы стали анкеты и интервью участников войны, дошедших до Берлина и оставшихся в составе группы советских оккупационных войск или СВАГ не менее двух лет. В 2007 г. Региональный центр устной истории в Воронеже возобновил названный проект, обратившись к методу нарративного биографического интервью. На втором этапе проекта больше внимания уделялось травматическим воспоминаниям и связанным с ними эмоциям респондентов. Сочетание когнитивных и эмоциональных измерений интервью увеличило возможности изучения послевоенной действительности как Восточной Германии, так и Советского Союза. Участниками проекта были поставлены новые эвристические вопросы, сделаны предварительные выводы. К числу таковых вопросов принадлежит и значение опыта войны и послевоенного пребывания (1945–1949 гг.) в Германии в жизни советских военнослужащих после их возвращения на родину.

1. Образ немцев и Германии у советских солдат и офицеров до их встречи со страной противника

Е.С. Сенявская выделяет образ врага как важнейший элемент военной психологии. Обобщенный образ, формировавшийся непосредственно в годы войны, включал официально-пропагандистский, служебно-аналитический и персонифицированно-повседневный образы врага². В 1941–1945 гг. он претерпел в Советском Союзе

диалог. Русские и немцы после 1945 года / Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. М.: АИРО–XXI, 2010. 1032 с.

¹ См., например: *Плимак Е.Г.* На войне и после войны (Записки ветерана). М.: Весь Мир, 2005. 200 с.; *Чубинский-Надеждин В.В.* Моя оккупация Германии. Русский офицер в Германии и окрест. 1946–1950. СПб.: Изд-во «Образование–Культура», 2005. 527 с.

² *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 256.

значительную эволюцию. В начале Великой Отечественной войны в советской пропаганде господствовал образ немца-пролетария, от которого ожидали поворота оружия против гитлеровского режима¹. Перед битвой под Москвой неотъемлемой частью советской пропаганды стало создание нового образа Германии и немецкого солдата. Войска врага не внушали больше иллюзий, рассеялась надежда советского руководства на возможность единения с братьями по классу, оказавшимися якобы против своей воли на Восточном фронте. Исчезли классовые акценты в анализе немецкого наступления. Стерлось и различие между понятиями «немец», «фашист», «враг». В прессе появились характеристики уничижительные, вызывавшие презрение к немцам и немецкой культуре².

После битвы под Москвой произошел перелом в настроении противников, теперь они оценивали друг друга объективно³. Начало истребительной войны СССР с фашистской армией повлекло за собой снижение доктринально-классовых акцентов в советской пропаганде. От солдат германской армии не ждали ничего хорошего, армия воспринималась как монолитное воплощение зла, но это зло выделялось из немецкого народа, противопоставлялось ему, действовало за пределами Германии. В СССР по-прежнему отсутствовала реальная оценка германской внутривойсковой ситуации. Именно это разделение воевавшей на советской территории немецкой армии и немецкого народа позволило И.В. Сталину заявить 23 февраля 1942 г. в приказе № 55: «...гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается»⁴.

Так определились два новых образа Германии, воплощенных, с одной стороны, в гитлеровской «грабь-армии»⁵, солдаты которой «не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей», с другой — в якобы голодном и нищем немецком народе, обманутом и понукаемом Гитлером и его шайкой⁶. Последний образ Германии постепенно размывался, становился всё более абстрактным, пока не исчез абсолютно со страниц периодической печати. Остался один — страшный и конкретный. Он закреплялся не только пролитой кровью, страданиями советских людей, но и пропагандой.

Период коренного перелома в войне стал кульминацией взаимной ненависти противников. В начале 1943 г. Красная армия перешла в наступление, оно интерпретировалось как час расплаты немцев за содеянное ими в Советском Союзе, тем более что войска шли через территорию, бывшую под оккупацией, и солдаты видели жуткий результат пребывания немецких войск на советской земле. Герой Советского Союза В.А. Никитин вспоминал о злодеяниях оккупантов

¹ См. подробнее: *Perepelicyн A., Timofeeva N.* Das Deutschen — Bild in der sowjetischen Militärpropaganda während des Großen Vaterländischen Krieges // Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen / Hrsg. Elke Scherstjanoj. München: K.G. Saur, 2004. S. 267–286.

² Публицистика Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М.: Советская Россия, 1985. С. 31.

³ Стали очевидны как стойкость и самоотверженность советского воина, так и техническая оснащённость, подготовленность к войне солдата-немца.

⁴ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 46.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 38–39.

в Курске: «Вниз-то стал спускаться, смотрю, что за дрова лежат, вот так, когда кладут... Думаю, что это лежит, я не пойму, что лежит-то. Вот эти вот, прямо наставлены, метров сто, и высокие, метра на два. А потом я посмотрел — это голые люди, скелеты, солдаты наши. Там где-то был лагерь, их вывезли и приготовили к сожжению, чтобы не были они примером издевательств немецких». На вопрос, вызывали ли у него ненависть немцы-оккупанты, он ответил: «Очень большую ненависть, очень большую ненависть, несмотря на мою такую тяжелую жизнь. <...> Я обычно забирался на чердак, соломой была покрыта хатенка у председателя сельсовета. Прodelал я там дыру и смотрел в сторону Воронежа, у меня сердце кровью обливалось, понимаете. Я был нищим, но я не понимал тогда: как это так, чужие люди зашли на нашу землю, наши села, города, и нас поставить хотят на колени, жгут всё, убивают, грабят, как это так? На каком основании так к нам относятся?»¹

1 мая 1944 г. Верховным главнокомандующим И.В Сталиным был издан приказ № 70, в котором говорилось: «Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге»². Учитывая новую ситуацию, военно-политическое руководство страны поставило вопрос о дисциплине в армии.

2. Германия и немцы в восприятии советских солдат и офицеров на пути от войны к миру

Войска 3-го Белорусского фронта перешли границу СССР с Восточной Пруссией в октябре 1944 г. Советские солдаты ступили на землю Третьего рейха, принеся с собой страшный опыт трех лет войны. «Немец, немецкий, Германия» — это были слова, вызывавшие у воинов Красной армии ненависть, многие из них потеряли в годы войны дорогих им людей и были готовы мстить. Этому созвучны воспоминания работавшего «среди войск противника в системе 7 отделов Политуправления Рабоче-крестьянской Красной Армии», ныне известного российского политолога и доктора исторических наук А.А. Галкина: «...наши солдаты, которые пришли, я знаю по своей армии, это были люди все, которые прошли через оккупацию немецкую. Мы, когда освобождали территорию, мы тут же проводили мобилизацию населения, мужского населения. Оно шло непосредственно в армию. Поэтому почти все, процентов на девяносто, наверное, все, за исключением высших офицеров, старших... младший, младший состав командный тоже. Они все почти из оккупации. Так что они посмотрели, что такое оккупанты. И они мстили и старались мстить так, как они понимали месть. Иногда в специфических формах»³. К мести и возмездью взывала и советская

¹ Интервью с В.А. Никитиным // Региональный центр устной истории в г. Воронеж. Ф. «Русские и немцы в 1945–1955 гг.».

² Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1944. № 9. С. 5.

³ Интервью с А.А. Галкиным // Региональный центр...

пропаганда. Но теперь советские войска соприкасались не только с немецкими солдатами, но и с гражданским населением.

Только 14 апреля 1945 г., перед началом Берлинской операции, в «Правде» появилась статья Г.Ф. Александрова «Тов. Эренбург упрощает». В противовес традиционным установкам Г.Ф. Александров заявлял о необходимости дифференцированного подхода к немцам¹. Политическая элита страны осознала необходимость постановки вопроса о том, как следует управлять оккупированной территорией Германии.

Важно отметить, что отношение советских солдат и офицеров к немецко-фашистским завоевателям было к концу войны более конкретным, чем в ее начале. Красная армия хорошо знала противника, имела опыт значительных, хотя и жертвенных побед над ним. Служебно-аналитический и персонифицированно-повседневный образы врага превалируют и в воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны. Многие из них отмечают важность знания немецкого языка в складывании многомерного образа немцев². А.А. Галкин вспоминает: «Я с самого начала в общем-то делал внутреннее различие между немцами и фашистами, хотя это была далеко не распространенная точка зрения. Мне приходилось вступать в словесные схватки со своими коллегами даже по политуправлению армии, не говоря уже об офицерах непосредственно переднего края... Я не убежден в том, что убедил моих оппонентов. Но мои оппоненты меня тоже не убедили, потому что у меня прикомандирован был антифашист — член Национального комитета „Свободная Германия“, с которым мы два года на фронте бок о бок были»³.

Прошедшие через оккупацию и призванные в армию граждане СССР успели подметить и особенности быта иноземцев: «У них культура другая. <...> Они утром все умываются в трусах, обливаются водой, кушают. У них туалет, понимаешь. Они строят туалет, они выкапывают траншею такую, глубиной, скажем, метра на полтора, забивают, понимаешь, колья с обеих сторон, жерди деревянные. И садятся там, и свое дело делают. А мы где? За сарай. Вот и культура»⁴.

На заключительной фазе войны абстрактно-пугающим оставался преимущественно образ Германии. «Все-таки это была страна врага. Тем более что я прошел через всю Украину и видел, что сделали оккупанты со страной, и видел эти шеренги виселиц, и огромные зарытые могилы расстрелянных людей. Я был по свежим следам в Бабьем Яре, потому что мы в Киеве были, наша армия брала Киев. Так что война есть война. И вещь кровавая достаточно, она порождает действительно ненависть. Но у меня, конечно, было внутри такое: с одной стороны,

¹ Правда. 1945. 14 апреля.

² «...у нас были люди знающие, причем разные, разного возраста, были участники Гражданской войны, мировой войны, первой, и молодежь, которую только-только выучили по каким-то каналам, кто-то в семье учился, кто-то среди немцев жил, были и из немцев наших, вот этих, приволжских» (См.: интервью с Я.С. Драбкиным // Региональный центр...). Доктор исторических наук, руководитель Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН Я.С. Драбкин служил в 1945 г. в Управлении пропаганды СВАГ. В 1947 г. он был переведен в аппарат заместителя главного начальника Управления пропаганды СВАГ по политической части.

³ Интервью с А.А. Галкиным // Региональный центр...

⁴ Интервью с В.А. Никитиным // Там же.

конкретные немцы, нормальные, хорошие люди и даже друзья, а с другой стороны, Германия — это что-то, нечто такое вот...»¹ — вспоминает А.А. Галкин. У тех, кто до войны успел получить высшее или неоконченное высшее образование, свою роль играли и образы Германии, навеянные немецкой классической литературой: «И литературу немецкую мы знали лучше, чем немцы, и Гёте, и Шиллера читали, и Гейне знали. Это мы, та группа людей, которая окончила университет и занималась Германией...»².

К лету 1945 г. был накоплен значительный опыт взаимодействия Красной армии и гражданского населения Германии. У советских солдат появились свои наблюдения. Новый образ Германии и немцев отличался от того, который был сформирован у них в годы войны. Вспоминая сегодня свой опыт встречи с Германией, ветераны свидетельствуют: «На нас произвело то впечатление, что они жили зажиточно. Леса очень чистые, без подлеска, и очень хорошие дороги»³. «Дорогу Берлин—Бреслау помню, с перекидными мостами, одностороннее движение. У нас тогда такого не было. Редко кто видел у нас бытовые электрические приборы, а в Германии и пылесосы были электрические, и кофеварки, машинки для стрижки волос электрические»⁴. Солдаты наблюдали чужой быт и отмечали высокую культуру труда, аккуратность и бережливость немцев: «Удивило, что обустроены хорошо, мы же, солдаты, прошли через всю страну, сожжено всё, порушено. Иной раз в Германии зайдешь в дом и тоже всё порушишь от злости. У нас беднее жили люди, особенно в деревнях, и те они сожгли»⁵. А вот еще одно признание: «...в мою ротную кухню нет-нет да и привлекали на работу немки. Никто не боялся, что яд подсыпят»⁶.

Дошедший до Берлина воин начал постепенно открывать для себя чужой мир, и то, что он увидел, не только изменило его сложившееся в годы войны отношение к немцам и Германии, но и способствовало формированию нового взгляда на собственную жизнь, на мир, на будущее своей страны.

3. Немцы и Германия в восприятии советских солдат и офицеров в 1945–1949 гг.

Военное поражение фашизма привело к разделу Германии на четыре оккупационные зоны: американскую, английскую, советскую и французскую. В июне 1945 г. на востоке страны была образована Группа советских оккупационных войск, создана СВАГ. В это время в Германии находилось около миллиона советских солдат⁷. Даже при последовательном почти ежегодном сокращении лично-

¹ Интервью с А.А. Галкиным // Там же.

² Интервью с Я.С. Дабкиным // Там же.

³ Воспоминания А.И. Головинского // Там же.

⁴ Воспоминания А.М. Калиберды // Там же.

⁵ Там же.

⁶ Воспоминания А.И. Головинского // Там же.

⁷ Foitzik J. Russischer Soldatenalltag in Deutschland. 1990–1994. Museum Berlin — Karlhorst e.V.: Druckverlag Kettler, 2008. S. 15.

го состава их число в 1954 г. составляло 550 тыс. чел.¹ Около 50 тыс. сотрудников трудились в 1945–1949 гг. в СВАГ. Приведенные цифры свидетельствуют о том, сколь значительно число советских граждан, прошедших через опыт пребывания в Германии в первые послевоенные годы.

Как орган административной власти СССР, СВАГ являлась вышестоящей инстанцией, она задавала зависимым от нее немцам алгоритм поведения, контролировала и наказывала за любое отклонение от него. Следует отметить, что во второй половине 1945 г. в тюрьмах и лагерях Германии содержалось около 250 тыс. немцев². Военные администрации союзников по антигитлеровской коалиции демонстрировали монополию на силу, толкая немцев к покорности и компромиссу с оккупационными властями.

Гражданскому населению Восточной Германии предписывалось беспрекословное исполнение заданий комендантов. В асимметричной коммуникации³ немцев и СВАГ уже формальное признание ими власти победителей способствовало установлению культурного контакта, когда вступали в действие механизмы как культурного притяжения, так и культурного отталкивания. При этом для советских военных Германия была прежде всего страной, куда их привела война.

Неподготовленность СССР к роли оккупирующей державы⁴ усиливала стремление к завоеванию союзников среди немцев. Выстраиванию диалога с ними способствовало знание советскими офицерами немецкого языка. Особенно активным этот диалог был в сфере специальных знаний. Складывавшееся партнерство и взаимный интерес постепенно исключали настороженность, выявляя черты *другого* народа. Его инакость отмечалась во всех сферах жизни — *политической, экономической, духовной*.

Я.С. Драбкин, работавший в советской оккупационной зоне с представителями немецкой партийно-политической элиты, подчеркивает сегодня особенность политической культуры Германии: «Все-таки они в демократии жили, в Веймарской, хотя она была ограниченной, на мой взгляд, и недостаточной, потому и привели Гитлера к власти демократическим путем, а не насильственным. А у нас всё на насилии, коллективном, прежде всего, потому что террор — это не просто убиение или отправление в тюрьму, это еще психология. <...> Это надо было всё прожить, чтобы понять». Но было и нечто, что не требовало осмысления и подмечалось сразу, например разница между партийным собранием в СССР и собранием в Социалистической единой партии Германии (СЕПГ): «Немцы были более организованы, больше дисциплинированности было, слушали лучше, друг друга в том числе»⁵.

¹ Ibid.

² Hitlers Eliten nach 1945 / Herausgegeben von N.Frei. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. S. 272–273.

³ Naimark N.M. Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin: Ullstein, 1999. S. 548.

⁴ Это положение находит свое подтверждение и в воспоминаниях бывших офицеров СВАГ. Так, А.А. Галкин отмечает: «Мы совершенно были не готовы к оккупации. <...> офицеров назначали, брали в основном раненых или находящихся временно в резерве. „Ага, ты кто, командир батальона? Ну, будешь комендантом такого-то такого-то“. Понимаете... Что делать? Что?» (см.: Интервью с А.А. Галкиным // Региональный центр...).

⁵ См.: Интервью с Я.С. Драбкиным // Региональный центр...

А.А. Галкин вспоминает об одном из достижений Веймарской республики как о сделанном им в Германии открытии: «...я, например, не знал, что у немцев на завоевании Веймарской республики было право женщины работающей получить раз в месяц свободный день, который назывался *Washtag*. ... То есть для стирки. Это, оказывается, одно из завоеваний Веймарской республики. И после 1945 года они были восстановлены все. <...> Я помню, у меня был довольно большой коллектив, ну, человек 12–15 немцев, были машинистки, секретари. И у них очень четко работала профсоюзная система, в отличие от нашей, советской. И он приходил, и говорил мне: „А Вы знаете, что завтра такая-то, видимо, не сможет прийти на работу“. Я говорю: „Почему?“ — „У нее ваштаг“»¹.

Граждане СССР не упускали из виду и отличие экономики Германии от СССР. В.А. Никитин с горечью констатирует сегодня: «Я когда пять лет со дня вступления, понимаете, на территорию Германии, там пробыл, и когда демобилизовали, когда в Брест переехал на Москву, только Брест проехали, деревня, я помню, первая, справа стояла. Деревня, понимаете, хатенки покосившиеся, соломой накрыты, у меня сердце как оторвалось. Думаю, за что же мы воевали? Почему мы так живем? Почему в Германии, понимаете, деревня — это город, даже лучше, понимаешь, чем у нас в городе. И одевались, и жили. Немцы, они по карточкам в первое время получали, у нас же по карточкам давка, драка, воровали друг у друга. А там порядок, стоят, разговаривают»². С уважением отмечает трудоспособность немецких сотрудников Бюро информации СВАГ А.А. Галкин: «В Бюро информации было человек сорок-пятьдесят немцев. <...> Там все машинистки были превосходные. Это что-то фантастическое. У нас считалось, что если машинистка делает пятнадцать страниц в день, то это уже хорошая. А они делали по семьдесят. Семьдесят страниц в день они делали убористого текста»³.

Вспоминая о духовной стороне германской послевоенной действительности, бывшие офицеры СВАГ отмечают сегодня быстрое возобновление деятельности известных культурных центров Восточной Германии⁴. Безусловно, существенную роль играл при этом отдел зрелищных предприятий Управления пропаганды СВАГ⁵. Но Я.С. Драбкин подчеркивает: «Музыку они знали и понимали и понимают до сих пор. Возможно, еще и лучше, чем мы, хотя у нас огромный, колоссальный прогресс в этом отношении прошел, но ведь они приходят с нотами на концерт, а я у нас не видел»⁶. А.А. Галкин отметил умение большинства немецких женщин с внешним достоинством переносить невзгоды: «Они всегда были хорошо ухожены и, несмотря на, в общем, <...> нищету, очень элегантно одеты»⁷.

¹ См.: Интервью с А.А. Галкиным // Там же.

² См.: Интервью с В.А. Никитиным // Там же.

³ См.: Интервью с А.А. Галкиным // Там же.

⁴ Уже в конце 1945 г. в советской зоне оккупации действовали 104 театра, 1263 кинотеатра и 167 варьете, выходили 22 газеты, работали семь издательств. См.: *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. С. 216.

⁵ В 1947 г. отдел зрелищных предприятий был переименован в отдел культуры.

⁶ См.: Интервью с А.А. Галкиным // Региональный центр...

⁷ Интервью с А.А. Галкиным // Там же.

Образованная часть советского офицерства в Германии хорошо знала немецкую культуру. Но в Германии началось и освобождение советских офицеров—интеллектуалов от клише в восприятии немцев и немецкой культуры. Я.С. Драбкин вспоминает: «Там у нас уже была домработница, воровала уголь. <...> Топили брикетами, немецкими, вонючими, печное отопление было, не было центрального отопления. Заметили, под юбкой ночью выносит брикеты, мы удивились, что это у них возможно. Она страшно извинялась. Ну, нам казалось, что немцы честные. Вот такое воспитание было у нас, что немцы честные, что немцы трудящиеся и вообще. Из школы, из семьи, из представлений старых. Не знаю, откуда»¹.

Многие офицеры СВАГ до войны не имели в СССР квартиру и обрели ее впервые в жизни в Германии². Там они могли нанять домработницу³ или гувернантку для детей⁴. В.В. Чубинский отмечал и случаи осознания советскими военными своего несоответствия нормам и правилам европейской бытовой культуры: «Не секрет, что насчет манер мы все были слабоваты. И поэтому на разных официальных иностранных едалицах иногда возникали пустяковые, но неприятные проблемы: какой нож или вилку положено взять, что куда поставить, что пить, как быть с салфеткой»⁵. Такого рода ситуации вызывали у советских военных неловкость и желание быть как минимум не хуже побежденных немцев.

Межличностное общение русских и немцев, связанных общим делом или добрососедскими отношениями, приводило к открытиям, менявшим отношение советских граждан к недавнему врагу.

Налаженный быт позволял эффективно работать. Ничто не мешало при этом и изучению иностранных языков⁶, знакомству со страной и европейской культурой⁷. Наряду с прочим тогда состоялась и встреча граждан атеистической страны

¹ Впервые проблема быта офицеров СВАГ была поставлена в статье: Тимофеева Н.П. Немцы — «свои» и «чужие» — в политике СВАГ 1945—1949 гг. // Германия и Россия в судьбе историка: Сб. статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбкина / Сост. М.Б. Корчагина, В.Л. Телицын. М.: Собрание, 2008. С. 347.

² На вопрос о том, вспоминал ли он Германию, вернувшись в СССР, А.А. Галкин ответил: «...скорее жена вспоминала Германию. ... Ну, это естественно. Потому что <покашлял> там она была благополучным человеком, хозяйкой дома. Мы там жили в трехкомнатной квартире, подвал был хороший» (см.: Интервью с А.А. Галкиным // Региональный центр...).

³ «Нам, сотрудникам Аппарата политсоветника СВАГ, разрешалось держать прислугу из берлинок...» (см.: Плимак Е.Г. На войне и после войны... С. 52).

⁴ «Ну, мы имели возможность домработницу держать немецкую, няньку. Пожалуйста. Никаких проблем... Нам направили, эта девочка окончила, там это очень строго, нянька к ребенку — это может быть только человек, получивший соответствующий документ. <...> Не просто пришел и получил. Она окончила курсы медицинские для нянек с детьми. Она очень строго следила, жила с ним в комнате, жила с ним вместе» (см.: Интервью с А.А. Галкиным // Региональный центр...).

⁵ Чубинский В.В. Моя оккупация Германии... С. 174.

⁶ «Были у меня недалеко от Карлсхорста герр Шмоллер — у него я брал уроки французского, и фрау Гертруда Больц, совершенствовавшая мой английский, — здесь тоже не было ничего запретного и необычного» (см.: Плимак Е.Г. На войне и после войны... С. 63).

⁷ «Первый город был Берлин. И только потом, спустя некоторое время, я сумел, получил возможность, я съездил в Росток, я съездил в Дрезден, в Лейпциг» (см.: Интервью

с религией. Многие впервые присутствовали на богослужении. Этот опыт оставался в памяти и через много лет оказался востребован. Е.Г. Плимак отмечает значение увиденного им в 1947 г. в немецкой церкви: «Мне надо было добраться через войну до Берлина и прожить еще лет сорок, чтобы начать свое знакомство с Православием...»¹.

В 1945–1949 гг. шел процесс вживания советских граждан в германскую действительность и культуру. Об этом писал в докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, побывав в Германии летом 1948 г., президент Академии педагогических наук РСФСР И.А. Каиров². Возможность сравнения, обретенная советскими военными в Германии, стала одной из причин не только их массовой замены в 1948–1949 гг., но и долговременного запрета на выезд из СССР в ГДР³. Через несколько лет пребывания за рубежом в Советский Союз вернулся «иной человек, который на многое смотрел другими глазами, видел то, чего раньше не замечал, и сомневался в том, что еще не так давно считал само собой разумеющимся»⁴. Этот человек обладал опытом и знанием сравнения — что уже было немало.

Бывшие военные высоко оценивают значение тех лет, которые провели за рубежом. Годы в Германии наложили отпечаток на их жизнь после возвращения в СССР. Ушедший на войну несовершеннолетним В.А. Никитин служил в составе Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Он вспоминает: «...я там получил высшее образование, я книг перечитал столько!»⁵ Доктор исторических наук А.А. Галкин также признает значение своего заграничного опыта в определении его жизни: «...во-первых, я познакомился в Германии с немецкой тематикой, и это определило выбор мною дальнейшей профессиональной деятельности, я стал германистом. Уже находясь в Германии, я окончил университет и написал дипломную работу, часть которой потом развернул и взял кандидатскую работу. Она была посвящена сепаратистскому движению в Германии в 1918 г. в Рейнской области. Собственно говоря, в течение многих лет я, в общем-то, занимался германистикой. После защиты диссертации я через некоторое время пришел на работу в журнал „Международная жизнь“ и там

с А.А. Галкиным // Региональный центр...); «Поехали однажды в Западный Берлин с моим товарищем слушать Фуртвенглера. Приехал Фуртвенглер, и с ним была Шестая симфония Чайковского. Я помню до сих пор это впечатление, которое я получил. Великолепное впечатление» (см.: Интервью с Я.С. Драбкиным // Региональный центр...).

¹ Плимак Е.Г. На войне и после войны... С. 63.

² Докладная записка президента Академии педагогических наук РСФСР И.А. Каирова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о поездке советской делегации на 3-й педагогический конгресс в советской зоне оккупации Германии // Политика СВАГ в области культуры, науки, образования... С. 432.

³ «Приглашения были... у меня там уже книга вышла про Ноябрьскую революцию, там напечатана была, а меня туда не пускали. ... В шестидесятом я получил приглашение, там моя книга вышла уже, и комиссия, тогда была уже комиссия историков... и в шестидесятом я поехал впервые как историк по приглашению» (см.: Интервью с Я.С. Драбкиным // Региональный центр...).

⁴ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. (1945–1964). М., 1993. С. 23.

⁵ Интервью с В.А. Никитиным // Региональный центр...

ведал европейскими делами, потом внешней политикой Советского Союза, но оставался германистом, и моя вторая работа, главная, докторская, она тоже была посвящена германскому вопросу, „Германский фашизм“. <...> Мое формирование, сначала как журналиста, потом как научного работника, состоялось благодаря Германии... потому что одно дело — познавать страну на основании письменных источников, а другое — познавать страну, находясь непосредственно в ней, понимая, что такое эта страна, общаясь с немцами, начиная понимать менталитет немецкий, это же очень важно. Тогда письменный материал ложится на личное восприятие и понимается совсем по-другому... Тогда ты начинаешь, как говорится, чувствовать всё это кончиками пальцев»¹.

Прошлое продолжало жить на уровне самосознания и как продукт официальных, групповых и личных интерпретаций, наделявших особым смыслом не только участие в войне бывших солдат и офицеров, но и пребывание за границей. И.В. Сталин осознавал опасность определения особой идентичности группы офицеров, прибывших в СССР из Германии, и их рассеяли по стране². Я.С. Драбкин вспоминает, анализируя: «Иосиф Виссарионович боялся нас, увидевших что-то за границей... какое-то буржуазное влияние, ясно, оно должно было на нас быть. Пятно какое-то на нас было»³. И добавляет: «Ну, конечно, мы приехали сюда зараженными тем, что в капитализме им жилось не так, как нам. <...> Нет, я был убежденным марксистом, ленинцем, сталинцем, если хотите, в полной мере. Это надо было пройти еще. <...> Не раздражение было, а горечь страшная, как наши живут, как мы, победители, живем по сравнению с тем, кого мы освободили... это был парадокс и очень обидный»⁴.

Солдат, дошедший до Берлина, начал делать открытия мирного времени, которые формировали у него новый образ немца и Германии. Взаимное узнавание русских и немцев, разрушение у них сложившихся и подкрепленных в войну стереотипов длилось недолго. Не успев закрепиться, опыт мирной действительности был прерван взрывом новых противоречий в международных отношениях. Замешанная на крови традиция ненависти оказалась снова востребована в эпоху холодной войны.

Число доживших до сего дня участников заграничного похода Красной армии сокращается. Респонденты рассказывают теперь и от имени ушедших из жизни. Лишь малое количество очевидцев настаивает на анонимности своих высказываний. Воспоминания бывших советских военных о Германии и немцах 1945—1949 гг. являются частью воспоминаний всего современного российского общества. Они могут и должны составить важный сегмент исторической памяти страны.

¹ Интервью с А.А. Галкиным // Там же.

² «Мы были раздроблены, разогнаны по разным местам», — говорит Я.С. Драбкин (см.: Интервью с Я.С. Драбкиным // Там же).

³ Интервью с Я.С. Драбкиным // Там же.

⁴ Там же.